По материалам
Dallas Safari Club

Бойня в саванне

Алчность и древняя притягательность мифа стоят за яркой вспышкой браконьерской добычи носорогов. И сможет ли легализация торговли рогами этих животных погасить это пламя?

Защита носорогов от браконьеров становится всё более сложной из-за взлёта цен на их рога на чёрном рынке

Рога носорогов нынче дороже кокаина или золота. Один-единственный рог может быть продан за полмиллиона долларов, если попадёт к «правильному» покупателю, обычно в Юго-Восточной Азии, хотя количество стран потребления продолжает расти. И неудивительно, что браконьерская добыча этих животных беспрецедентно возросла в последние годы, и жуткие образы огромных зверей, изувеченных бензопилами, нередко появляются в новостях. И впрямь, словно бы для того чтобы испытать человеческое легковерие и пределы нашей алчности и жестокости по отношению к животным, некоторые из них остаются пока ещё живыми, изувеченными под наркозом, либо с тяжкими ранениями, хотя и не убитыми на месте.

Что же, немногие несчастные из этих животных ненадолго выживают в муках агонии, которую можно только представить себе, а их искалеченные лики превращены в кошмарные маски с инфицированными ранами. Обезображивание носорогов безжалостно обнажает то, как далеко может зайти человек, обуреваемый страстями, жаждой наживы и алчностью, в своей угрозе для дикой природы. В случае с носорогами в основе спроса на их рога кроется ведь не добыча пропитания или острота охотничьих ощущений, да и не стремление обрести то, что радует глаз. Здесь, скорее, непреходящая мистика мифа, и по мере роста цены на эти рога, соблазн обладания неким статусом в глазах заинтересованного лица от самого сознания запретного потребления редкого и дорогого товара.

С античных времён этим примечательным животным приписывали мистические свойства, а их рог расценивался как символ их могущества. В Йемене и Омане рога требовались для изготовления рукояток кинжалов, а особенно в Китае – как традиционное средство лечения заболеваний, включая пониженное либидо и даже рак. В более близкие к нам времена рога вошли в моду на вечеринках в качестве зелья-порошка в сочетании с вином, а также средства от похмелья для нуворишей в странах, подобных Вьетнаму. И абсолютно неважно, что рог этот состоит, как и человеческие ногти, из кератина, что он не обладает никакими известными лечебными свойствами, или то, что один укол для «лечения» от вечернего перепоя может стоить до $400 – рынок всё равно ненасытен. Экономика стран Юго-Восточной Азии находится на подъёме, накапливается капитал, и поэтому спрос будет только расти.

В настоящее время функционирует сложная сеть криминальных элементов, от спекулянтов до коррумпированных таможенников, чтобы обеспечить посредников и потребителей товаром, который им нужен. Как и со слоновой костью, по мере роста цен на рога носорога к бизнесу также подключаются и полувоенные формирования, используя прибыль, полученную от продажи рогов, для финансирования своих кампаний террора и уничтожения людей. Такие новые переплетённые криминальные связи делают работу по защите носорогов значительно более сложной и опасной. Егерям и инспекторам по охране дичи приходится теперь иметь дело уже не только с группами плохо вооружённых местных браконьеров, но и с закоренелыми преступниками из организованных криминальных синдикатов, способных профинансировать трансграничные рейды в разных странах, как, например, хорошо известные вторжения браконьеров из Мозамбика в южноафриканский национальный парк Крюгера.

И не так-то просто постоянно соответствовать возрастающему спросу на рога и постоянно расширяющемуся картелю их сбытчиков. В Европе, вдали от полей смерти в Африке, появились преступники вроде ирландской банды, именующей себя Rathkeale Rovers. Они либо крадут стенды с рогами или выставленные чучела носорогов из музеев и частных коллекций, либо используют потенциальные прорехи в законодательстве, законно приобретая продающиеся трофеи носорогов на аукционах и экспортируя затем рога как часть нелегального бизнеса.

В Африке водится два вида носорогов – чёрный, популяция которого насчитывает приблизительно 5000 голов, и белый – численностью около 20 000 особей или чуть больше. Абсолютное большинство обоих видов (около 98%) обитает на территории четырёх государств: Южной Африки, Намибии, Кении и Зимбабве. Только в одной Южной Африке водится около 83% всех африканских носорогов, что, несомненно, делает её самой важной обителью носорогов на континенте. Говоря об этих породах носорогов, следует сказать, что сегодня их поголовье представляет собой лишь бледную тень по сравнению с прошлыми эпохами, хотя – и это важный момент – оно существует нынче в гораздо лучших условиях, чем это было всего лишь несколько десятилетий назад. И, хотя колонизация и расширение сельскохозяйственных угодий, равно как и прежняя трофейная охота исторически привели к некоторому снижению количества носорогов, не вызывает никаких сомнений, что именно браконьерство было главным фактором сокращения их популяции за последние полвека. А также, разумеется, и бедность, и гражданские мятежи, и приток оружия, и тень войны в разные времена способствовали развитию нелегальной торговли.

Так что в этом смысле настоящий кризис не представляет чего-то нового. Конечно же, в 70-е годы прошлого века отмечался резкий рост браконьерской добычи носорогов и снижение их численности, поэтому Конвенция о международной торговле видами дикой флоры и фауны, находящимися под угрозой уничтожения (CITES), ввела всемирный запрет на торговлю всеми производными от носорога товарами. Вокруг того, насколько полезной оказалась данная инициатива для сдерживания браконьерской добычи носорогов, ведутся жаркие дебаты. Тем не менее, почти наверняка именно напористая природоохранная политика и усилия по перемещению этих животных, предпринятые консорциумом неправительственных организаций, государственных структур и частных землевладельцев в 1980-х годах, и послужили в значительной степени причиной приостановки дальнейшего падения их численности, а в дальнейшем – и практического роста поголовья носорогов. Эти усилия были направлены на их перемещение в частные и государственные охранные зоны, где можно было эффективно сконцентрировать кадры и фонды для защиты этих животных.

В 1990-х годах предпринимались и дальнейшие усилия для поддержки популяции носорогов и предупреждения браконьерства и торговли, включая программы по удалению рогов, чтобы сделать этих животных менее привлекательными для браконьеров. Также осуществлялись серьёзные биологические исследования для более тщательного наблюдения за популяциями и мероприятия по вовлечению общин местного населения в природоохранную деятельность. И, хотя эти природоохранные программы способствовали поддержке африканских популяций носорогов и привели к стабильному, почти ежегодному росту их численности, начиная с 1991 г., браконьерская их добыча в последние годы

сделала резкий скачок, заметно снижая прирост и без того всё ещё невеликого поголовья носорогов. Нынешнюю горячку в отношении добычи их рогов объяснить несложно. Если в 1993 г. рог носорога стоил, вероятно, $2100 за фунт, то теперь он продаётся за целых $30 000 за фунт, что делает его одним из самых дорогих товаров на земле – дороже золота (которое стоит нынче около $20 000 за фунт).

Сложно получить точные общие данные, но достоверно оцениваемое количество добытых браконьерами носорогов по всей Африке с 2006 г. определяется приблизительно в 2400 голов. Это может и не показаться такой уж огромной цифрой, но воспринимать её следует в свете того, что вся их африканская популяция не превышает 25 000 особей, а рост браконьерства теперь уже очевиден. По информации Международного союза охраны природы (IUCN), браконьерская добыча носорогов в Африке увеличилась приблизительно на 43% только за 2011 г., а за 2012 г. сообщили уже о 745 носорогах, взятых браконьерами! И предварительные данные свидетельствуют о том, что ситуация в 2013 г. может быть и того хуже. И неудивительно, что больше всего уровень браконьерства возрос в основном месте обитания носорогов – в Южной Африке. В 2010 г. коэффициент браконьерства там был свыше одного носорога в день. А в 2012 г. этот коэффициент почти удвоился.

Шейн Махони

Родившийся и выросший на Ньфаундленде Шейн Махони – биолог, писатель, охотник, рыбак, лектор с международной известностью по проблемам окружающей среды и сохранности биоресурсов. Он также работает экспертом в организации «Норт Америкен Консервейшн Модел», занимающейся охраной дикой природы Северной Америки.

Такое браконьерское изъятие носорогов повлекло за собой значительное замедление темпов роста численности обоих видов этих животных до самых минимальных с середины 1990-х годов значений. И если такая тенденция продолжится, то некоторые эксперты предсказывают, что через двадцать лет носороги исчезнут из дикой природы. И это приводит многих к таким рассуждениям – не должны ли мы легализовать торговлю рогами носорогов, занимаясь разведением их на фермах и аккуратно срезая рога у живых особей? Сторонники легализации указывают на то, что нынешний запрет на торговлю неэффективен и что спрос на рога вряд ли уменьшится. Они отмечают, что легализация ограничит всевластие криминальных элементов, приведёт к большей прозрачности контроля и, помимо прочего, потребует выделения значительных участков территории под фермы для разведения носорогов, что окажет положительное влияние и на другие виды дикой фауны. Такой подход весьма неплохо сработал с крокодилами, когда легализация торговли их кожей привела к спасению вида от практически тотального уничтожения.

Однако же некоторые считают по-иному, говоря, что нелегальную торговлю контролировать невозможно, и что мы будем так же малоэффективны при попытках воспретить любой легальной торговле «отмывать» добытые браконьерским образом рога. Браконьеры, заверяют они, всегда будут продавать свой товар дешевле, чем на легальных торгах. К тому же, поскольку так мало носорогов сохранилось в дикой природе, уж точно потребуется немало времени для того, чтобы удовлетворить имеющийся спрос за счёт животных, разводимых на фермах.

Вот такие дилеммы стоят перед нами в области современного управления дикой фауной. И проблемы становятся всё сложнее, а наш выбор решений – ещё более суровым. Для тех из нас, кто обретается в мире охоты, не может быть безопасного убежища и нет шансов увернуться от этих горячих споров. В конце концов, будущее охоты неизбежно связано с подобными решениями. Так какова же наша позиция? Растолковывать всем, что доходы от проведения ограниченного количества наших трофейных охот могут помочь сохранению носорогов? Да, дело это, конечно, полезное. Но явно недостаточное. Что же вы скажете? Должны ли мы разводить на фермах этих могучих зверей или же нет? Так или иначе, но их бойня будет продолжаться до тех пор, пока мы не будем в силах переломить ход событий.